

Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания¹⁵

(Ж. Чернова)

В статье представлен анализ истории формирования нормативной модели «советского» отцовства как особого типа родительства. Гендерная политика Советского государства не была последовательной и когерентной ни по отношению к мужчинам, ни по отношению к женщинам. «Советская» модель родительства являлась частью государственной политики формирования новых образцов мужественности и женственности. На разных этапах проект советского родительства можно рассматривать как дискриминационный, когда родительство превратилось в социальную обязанность женщин и сферу депривации мужчин. Формирование модели «советского» отцовства проходило в рамках более общей гендерной политики, представленной рядом нормативно-правовых документов. В статье рассматривается, из каких дискурсивных элементов складывался этот тип отцовства и в чем его специфика.

В социологической литературе, содержащей анализ гендерного порядка советского общества, поднимается проблема кризиса родительских ролей и дискриминации мужчин в сфере родительства. Примеры того, что в советский и современный периоды родительские права мужчин систематически нарушались, можно найти в работах западных и российских ученых (Голод 1998; Гурко 2001а, 2001б; Kukhterin 2000, и др.). К причинам, порождающим неравенство, исследователи относят в

¹⁵ Статья написана на основе исследовательского проекта, поддержанного фондом МакАртуров, грант № 03-77857-000-GSS.

первую очередь структурные факторы: брачно-семейное законодательство; идеологическую и социальную поддержку родительства главным образом как материнства; государственную мобилизацию мужчин, исключаящую их из сферы приватности; традиционные стереотипы, усугубленные гендерной политикой советского государства. Так, Е. Ярская-Смирнова, предлагая определение сексизма, характерного для российского общества, в качестве одного из основных примеров приводит утверждение о том, что «детей при разводе обычно оставляют с матерью» (Ярская-Смирнова 2001: 46). Е. Здравомыслова связывает существующие дискриминационные стереотипы со специфической русской моделью воспитания, где основная роль принадлежит женщинам: «Только матери имеют детей в российском обществе. Отцы не принимаются во внимание ни социальными институтами, ни обществом в целом. Дискриминация отцов как родителей — типичное явление» (Zdravomyslova 1996: 46).

Как правило, проблема отцовства рассматривается как часть более широкой социальной проблемы увеличения числа неполных, главным образом материнских, семей. Рост числа семей, состоящих из матери и ребенка, практически однозначно интерпретируется как негативное явление. По данным выборочной переписи населения 1994 года, доля неполных семей среди домохозяйств с детьми до 18 лет составляла 21 %, причем в семьях с одним родителем проживали 16 % детей (т. е. каждый седьмой российский ребенок). Главной причиной постоянного увеличения количества неполных семей является стабильно высокое число разводов. При этом в подавляющем большинстве случаев после расторжения брака дети остаются с матерью, т. е. образуются материнские семьи. По оценкам ИСЭПН РАН и ИС РАН, в России доля отцов, остающихся с ребенком, составляет менее 1 % от семей с одним родителем, в то время как в США — около 10 % (Гурко 1999: 221). С. Голод, рассматривая проблемы неполных семей, отмечает, что дети передаются на воспитание отцам «лишь в исключительных случаях — когда мать страдает алкоголизмом или психически больна» (Голод 1998: 193). По его мнению, причины гендерной дискриминации многоплановы, но главная из них — это «стереотип материнства, его бессознательная поддержка судьями, которые, как правило, женщины» (Там же: 193).

Сложившаяся практика нарушения прав отцовства наряду с невозможностью реализации мужчинами роли монопольного кормильца и доминированием женщин в приватной сфере явилась, по мнению исследователей, причиной кризиса маскулинности, ставшего дискурсивным фактом позднесоветского периода (Здравомыслова, Темкина 2002а: 440), и отчуждения мужчин от отцовства (Kukhterin 2000). Таким образом, можно предположить, что тип отцовства, сформированный под влиянием гендерной политики советского государства, представляет особую модель родительства, принципиально отличную от других вариантов отцовства («традиционного», «нового ответственного» и др.), а также от «советского» материнства.

Советский гендерный порядок

Ряд отечественных исследователей определяют гендерный порядок советского общества как этакратический, поскольку он в значительной степени обуславливался «государственной политикой, задающей возможности и барьеры для действий людей» (Здравомыслова, Темкина 2003: 303). Специфика этакратического гендерного порядка заключается в том, что основным агентом формирования гендерных отношений и их контроля являлось государство. Гегемоническая позиция государства влияет на структуру гендерной композиции. Вместо бинарной модели мужественности/женственности, характерной для гендерной культуры западных индустриально развитых обществ, где гегемонная маскулинность занимает доминирующую позицию в гендерной иерархии, был выстроен «треугольник», в котором государство занимало доминирующую позицию в отношении как мужественности, так и женственности, задавая и утверждая гендерную норму. Патриархальные семейные отношения, когда мужчина обладал практически неограниченной властью над своими домочадцами, сменились гегемонией государства, монополизировавшего функции «отцовской власти»; государство отчуждало от нее конкретного мужчину и тем самым лишало его самих основ патриархальной мужской идентичности (Айвазова 1998).

Советский гендерный проект предполагал вмешательство государства в частную жизнь советских граждан и традиционно рассматривал мужчину в качестве главы семьи; государство

номинально определяло его своим главным «агентом влияния», «проводником» политики партии в каждой отдельно взятой ячейке общества. Несмотря на гегемоническую позицию государства, в семейной политике под «главой семьи», как правило, понимался мужчина. Так, например, при переписи населения 1959 года отдельно был поставлен вопрос о главе семьи, которого определяли сами члены семьи. В результате были получены следующие данные: общее количество опрошенных семей составило 50 333 487, из них 35 980 299 (71.5 %) , где глава семьи мужчина и 14 353 188 (28.5 %) — женщина (Курганов 1967: 175). Однако государство считало, что оно обязано активно участвовать в регулировании частной жизни советских граждан; например, в книге «Социология в СССР» говорится следующее: «...недопустимо предоставлять самотеку интимные процессы в семье, связанные прежде всего с руководством семейным коллективом. Полное овладение этими процессами и направление их в желательную сторону возможны только на основе усиления воспитательной работы с каждой семьей. На данном этапе развития общества возникает настоятельная необходимость организации специальной воспитательной работы с главами семей» (цит. по: Курганов 1967: 178). Так, в советском гендерном проекте мужчина был подотчетен государству и нес ответственность за качество жизни своей семьи.

В отличие от женского варианта гендерного контракта «работающая мать», в котором совмещаются профессиональные, семейные и материнские обязанности, вменяемые советской женщине государством, для мужчин в качестве нормативного образца предлагался образ «строителя/защитника коммунизма». По мнению К. Келли, в 1920—1930-х годах в Советском государстве создавалась «универсальная мужественность» — это тип «мужчины крайне рационалистичного, которому предписано не показывать свои эмоции. Руководящая установка — на “закал”, чрезвычайно суровый и взыскательный кодекс физической и умственной самодисциплины, требующий делать зарядку, совершать водные процедуры (например, принимать контрастный душ), а также эффективно трудиться на рабочем месте и вообще отдавать всего себя служению общему благу» (Келли 2003: 389). Этот проект советской гегемонной маскулинности базировался на традиционном разделении половых ролей, когда публичная сфера является областью самореали-

зации мужчин. При этом государство рассматривало советского мужчину как своего рода «номадический субъект» — как трудовую и/или боевую единицу, не обремененную частной собственностью и ответственностью за семью. Это должно было сделать его мобильным, т. е. способным к частым переездам, сменам места работы и жительства, готовым всегда выполнить приказ партии и правительства (участвовать в социалистических стройках, охранять границы Родины, покорять целину и т. д.). Особенно востребованным данный тип мужественности оказался в период 1930—1940-х годов, когда предвоенная и военная ситуация в стране сделала мужскую роль «солдата базовым элементом новой мужской идентичности» (Schrand 2002: 203). В результате, как отмечает И. Тартаковская, под воздействием политики «гипермаскулинного милитаризованного государства» сложился советский тип мужественности, связанный исключительно со службой Родине, «под которой понималось безоговорочное и самоотверженное участие в реализации любых государственных проектов» (Тартаковская 2003: 45). Таким образом, готовность и способность подчинить свои личные интересы общественным — это одна из отличительных особенностей советского образца нормативной мужественности.

Статус мужчины в советском гендерном порядке напрямую зависел от его профессионально-должностной позиции (Ашвин 2000; Тартаковская 2003). В этом можно увидеть сходство с концептом гегемонной маскулинности, характерным для западного капиталистического общества и формирующимся в постсоветской России. Именно сфера профессиональной занятости конституирует модель нормативной мужественности, служит фундаментом для формирования гендерной идентичности «настоящего» мужчины и тем самым создает основу для его самореализации в качестве кормильца и патриарха (Чернова 2003), в то время как сфера эмоциональных и семейных отношений находится на периферии создания и реализации образа гегемонной маскулинности. Вторичность семьи по отношению к профессии выражается в том, что статус мужчины в частной сфере достаточно сильно зависит от его успеха в роли кормильца. Более того, в случае провала «сценария маскулинности» (т. е. в ситуации профессиональной неуспешности и несостоятельности) семья, взаимоотношения с детьми и вну-

ками крайне редко становятся для мужчины «достойным» полем для самореализации. Попытки смещения акцентов, перепределения мужчиной своих жизненных задач и интересов из публичной сферы в частную И. Тартаковская выделяет в качестве стратегии «приватизации мужественности» (Тартаковская 2003: 59). Трудность «приватизации маскулинности» заключается в том, что как в советской, так и в постсоветской гендерной культуре практически не существует позитивных версий легитимного маскулинного сценария, не связанного исключительно с профессиональным успехом. Попытки реализации этой стратегии наталкиваются на сопротивление как со стороны самих мужчин, боящихся выглядеть недостаточно «настоящими» в глазах других (мужчин, своей семьи, общества в целом), если они выбирают, например, «папину карьеру», так и со стороны женщин, привыкших считать семейную сферу зоной своей ответственности и власти и согласных принимать помощь мужа, но не готовых к кардинальному перераспределению обязанностей.

Идеологическая гегемония государства в области гендерных отношений касалась не только супружеских, но и родительно-детских отношений, так как государство провозгласило себя «основным ответственным за воспитание детей» (Пфау-Эффингер 2000: 33). Государственная гегемония в сфере родительства выражалась в том, что «государство брало на себя ответственность за исполнение традиционной мужской роли отца и кормильца, став фактически универсальным патриархом, подданными которого были мужчины и женщины» (Ашвин 2000: 64). Под гегемонией государства в сфере родительства понимается то, каким образом и посредством каких нормативно-правовых и экономических шагов государство вытесняет мужчин из семейной сферы и отчуждает их от отцовства, беря на себя выполнение родительских обязанностей (материальную и воспитательно-образовательную). В этом, по нашему мнению, заключалась политика государства в отношении мужчин и специфика идеологического проекта «советского» отцовства.

Последствия гегемонического положения государства в сфере гендерных отношений советского общества были неоднозначными. С одной стороны, благодаря мощной государственной поддержке стала возможной практическая реализация женского эмансипационного проекта (политическая и

экономическая мобилизация женщин, их массовое включение в общественное производство, квотирование при получении профессионального образования и т. д.). С другой стороны, для «советской» модели мужественности, особенно в сфере семьи и родительства, этакратический характер гендерного порядка скорее можно определить как дискриминационный. Кризисное состояние маскулинности воспроизводилось на различных уровнях: идеологическом, экономическом, юридическом. Оно выражалось в том, что мужчина переставал рассматриваться в качестве реального главы семьи с присущей ему ответственностью за свою семью и своих близких; более того, «к власти мужчин в частной сфере все же относились с подозрением» (Ашвин 2000: 64). Как было отмечено выше, государство рассматривало мужчину/мужа/отца в качестве проводника своей политики в семье и при этом значительно ограничивало возможности для самореализации мужчин в частной сфере, предоставляя им небольшой набор легитимных социальных ролей, главным образом связанных с «внешним», публичным миром.

Как замечает С. Айвазова, для идеологов нового гендерного порядка в послереволюционной России «ненадежность, или, точнее, неблагонадежность, мужчины как агента новых социальных отношений для Коллонтай очевидна. Поэтому она упорно подчеркивает мысль об общности интересов женщины и нового государства» (Айвазова 1998: 72). Подтверждение гендерной асимметрии можно найти, если обратиться к анализу семейной политики советского периода, для которой были характерны явный перекоп в сторону защиты материнства и детства и практически полное исключение категории отцовства: «Женщине обеспечиваются все обходимые социально-бытовые условия для сочетания счастливого материнства со все более активным творческим участием в производственной и общественной жизни», когда государство «всемерно охраняет интересы матери», и именно «материнство в РСФСР окружено всенародным почетом и уважением, охраняется и поощряется государством» (Максимович 1996: 80–81). Итак, на протяжении всей советской истории мужчины мобилируются государством как «строители» и «защитники Отечества». Они все больше времени проводят вдали от дома и не имеют возможности принимать непосредственное участие в воспитании

детей и жизни семьи. Материнство становится долгом женщин, а отцовство превращается в «воскресную обязанность» мужчин.

Этапы формирования модели «советского» отцовства

Гендерная политика советского государства была непоследовательной. Революционная фаза преобразования семьи сменялась традиционалистским откатом, направленным на ее укрепление. Противоречащие друг другу действия государства в сфере семейных отношений создавали предпосылки для превращения декларируемой политики гендерного равенства в «войну полов». В отношении каждой гендерной категории граждан государство проводило особую политику, вменяя им различные обязанности и наделяя разными правами. Асимметричность предписаний создавала условия для того, чтобы представители обоих полов выработали институционально поддерживаемые способы злоупотребления своими правами и манипулирования друг другом в семейных отношениях. Отцовство, на наш взгляд, является наиболее показательным примером, иллюстрирующим то, при каких условиях и из каких элементов складывается гендерный конфликт. Изменения в нормативно-правовой и экономической сферах общества, произошедшие в первые десятилетия советской власти, были направлены на подрыв главенства мужчины в семье. Массовое привлечение женщин в общественное производство делало их экономически независимыми от старших мужчин в семье; государственная поддержка материнства и детства, официальная идеологическая риторика почти полностью исключила отцов из процесса воспитания советских граждан, оставив ему по возможности роль кормильца, что также не способствовало укреплению института отцовства.

Презумпция материнской правоты, из которой исходило государство, а также сложившаяся к 1930-м годам судебная практика разрешения споров об отцовстве давали женщинам возможность манипулировать мужчинами, предъявлять им материальные и другие претензии, связанные с их отцовством. Как отмечает Л. Завадская, «та легкость, с которой женщина могла доказать факт существования фактических брачных от-

ношений со всеми вытекающими отсюда последствиями, делали мужчин совершенно беззащитными перед недобросовестными партнершами, претендовавшими и на площадь, и на часть имущества своего «супруга», требовавшими часто установления отцовства в отношении детей, к которым эти мужчины не имели никакого отношения. Со временем на практике это привело к тому, что мужчины стали вообще остерегаться женщин и бояться вступить с ними в какие бы то ни было интимные отношения» (Гендерная экспертиза... 2001: 104). Как мы можем увидеть, специфическая гендерная политика советского государства привела к возникновению напряжения как между женщинами и мужчинами, так и между самими женщинами. Для мужчин она обернулась, с одной стороны, освобождением от ответственности за женщину и ребенка, так как государство было готово оказать необходимую поддержку, с другой стороны — существованием потенциальной возможности быть привлеченным матерью и государством к исполнению отеческого долга, по крайней мере материального. Причина напряжения между женщинами объяснялась тем, что семейные отношения были не защищены от посягательств другой женщины, поскольку признание мужчиной в добровольном или судебном порядке незаконнорожденного ребенка могло привести к разрушению уже существующего брака, ухудшению материального положения семьи из-за необходимости выплачивать алименты, оказывать поддержку ребенку и его матери. Ужесточение норм семейно-брачного законодательства, запрет аборт и установления отцовства ребенка, родившегося вне брака, поставили женщин как категорию граждан в более уязвимое положение по сравнению с мужчинами, получившими институционально подкрепленную возможность уклоняться от своих родительских обязанностей.

В данной статье в фокусе рассмотрения находятся изменения, которые касались непосредственно семейно-брачных отношений, так как процесс отчуждения отцовства имел продолжительную историю. Дискурсивные трансформации рассматриваются нами как структурные условия, под воздействием которых происходит изменение повседневных действий людей, паттернов родительства вообще и моделей отцовства в частности. На разных этапах гендерной политики Советского государства отношение к отцовству было различным, что на-

шло отражение, например, в порядке установления отцовства. На основе анализа правового дискурса выделим следующие периоды гендерной политики Советского государства в отношении мужчин и отцовства.

1) 1917—середина 1940-х годов — период формирования квазиэгалитарных основ «советской» модели родительства, когда и мужчине и женщине вменяются равные обязанности в отношении ребенка: создаются юридические механизмы привлечения мужчины к ответственности за ребенка (устанавливается право на фамилию, имя отца, экономическое право на алименты и т. д.). В то же время в идеологическом дискурсе разрабатывается и популяризуется идея общественного воспитания, обобществления родительских функций. При этом формируемая и подкрепляемая государством модель «советского» родительства носит явно асимметричный характер, так как она базируется на презумпции материнского права в отношении ребенка и наделяет мужчин-отцов целым рядом обязанностей, в то же время поражая их в правах.

2) 1944—конец 1960-х годов — период закрепления гендерной асимметрии в моделях родительства на идеологическом, нормативно-правовом и повседневном уровне, когда, с одной стороны, мужчины юридически освобождались практически от всяких обязательств перед женщиной и ребенком (наибольшая степень свободы и наименьшая степень ответственности предоставлялись мужчинам во внебрачных связях), а с другой стороны, вменяемая женщинам безграничная ответственность за ребенка приучает их относиться к своим детям как к собственности, исключать мужчин из эмоциональной сферы родительства и не рассчитывать на равное разделение обязанностей.

3) 1968—середина 1980-х годов — период кризиса модели «советского» отцовства, что выражалось в таких негативных социальных явлениях, как «скрытая безотцовщина», «пассивность быта отцов» и т. д. Подтверждение депривации мужчин в сфере семьи и родительства можно увидеть как в субъективных показателях (личностных переживаниях конкретных мужчин), так и в объективных (статистических данных о росте числа разводов, увеличении количества пьющих мужчин).

4) Вторая половина 1980-х—2000-е годы — период проблематизации роли отца в семье и российском обществе, осознание депривационного характера паттернов «советского» отцов-

ства, формирование структурных возможностей для появления новой модели — «ответственного отцовства».

Поскольку в фокусе нашего исследования находится модель «советского» отцовства, далее подробно остановимся на рассмотрении первых трех этапов, считая, что именно в этот период на уровне гендерной политики государства произошло формирование и институционализация данного типа родительства.

Первый период (1917—середина 1940-х годов)

Именно в период с 1917 по 1936 год были предприняты действия, направленные на разрушение основ старой патриархальной семьи и построение фундамента для новых отношений внутри «гендерного треугольника» (государство — мужчины — женщины), а также на усиление роли государства. Произошедшие революционные трансформации коренным образом изменили положение семьи в новом обществе. Семейное законодательство Российской империи поддерживало практически абсолютную власть мужчины над детьми и женой (Engel 2002). Приоритет отцовского права выражался в том, что в случае споров между родителями мнение отца было решающим, а также в том, что только отцу принадлежало право представлять интересы своих детей, управлять их имуществом (Нечаева 2002: 52). Обязанности родителей делились на имущественные и личные. Первые заключались в материальном содержании детей, которое могло сохраняться и после достижения ими совершеннолетия, причем эти правила распространялись и на незаконнорожденных. Согласно законодательству Российской империи, отец внебрачного ребенка, предоставляющий средства на его содержание, имел право надзора за его воспитанием. Ко вторым, личным, обязанностям родителей относились требования, связанные с воспитанием детей: «Родители должны обращать свое внимание на нравственное образование своих детей и стараться домашним воспитанием приготовить нравы их и содействовать видам правительства» (Там же: 56). Родительская, а именно отцовская, власть над ребенком была практически неограниченна; так, например, детей могли отдавать на обучение в любое заведение без их согласия. Также родители были обязаны заботиться об определении сына на

службу или в промысел соответственно их состоянию и о выдаче дочерей замуж (ст. 174).

Ликвидация частной собственности подорвала одну из основ господства мужчины в каждой отдельной семье. Власть отца лишилась важного материального основания, позволявшего осуществлять господство над своими домочадцами, контролировать их поведение. Коренные перемены в экономической и политической жизни государства не могли не затронуть и законодательную базу по вопросам семьи и брака. Инновации в первую очередь касались формальной стороны заключения брака, статуса и прав детей, рожденных в разных формах брака, а также процедуры установления отцовства. 18 декабря 1917 года Советом народных комиссаров был принят Декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния»: он установил в качестве единственно законного брака гражданский брак; уравнил в правах детей, рожденных в браке и вне его; установил упрощенный порядок установления отцовства. Все эти революционные изменения права были включены в Семейный кодекс 1918 года. Таким образом, «советская власть, как писал Ленин, первая и единственная в мире уничтожила полностью все старые, буржуазные, подлые законы, ставящие женщину в неравное положение с мужчиной, дающие привилегии мужчине, например, в области брачного права или в области отношений к детям» (цит. по: Курганов 1967: 85).

По новому законодательству отец ребенка записывался на основании простого заявления матери, которого было достаточно для юридического признания названного мужчины в качестве отца ребенка. Мужчине в этом случае посылалось соответствующее уведомление об установлении отцовства; если в течение одного года он не оспаривал факта своего отцовства, считалось, что он — отец ребенка (Нечаева 1996: 13—14). Подобный юридически закрепленный механизм установления отцовства определяется некоторыми исследователями истории советского брачно-семейного законодательства как «правовой примитивизм» (Максимович 1996: 82). В ст. 143 Брачно-семейного кодекса РСФСР 1918 года говорилось, что «если судом будет найдено, что отношения лица, названного в заявлении, и матери ребенка были таковы, что по естественному ходу вещей именно он является отцом ребенка», то на этом основании суд выносил «определение о признании его отцом, постанов-

ляя одновременно об его участии в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка». Показательным в приведенной статье кодекса является то, что процедура установления отцовства не предполагала специальных медико-генетических экспертиз или сбора других доказательств; государство «на слово» верило женщине и вставало на ее защиту. Иными словами, система исходила из презумпции материнской правоты, накладывала на мужчину-отца родительские обязанности главным образом экономического характера.

Подобный подход приводил к парадоксальным случаям присуждения «коллективного отцовства». Так, ст. 144 предполагала, что «если суд при рассмотрении вопроса об установлении отцовства установит, что лицо, названное беременной женщиной в заявлении отцом ребенка, в момент зачатия хотя и было в близких отношениях с матерью ребенка, но одновременно с другими лицами, то суд постановляет о привлечении последних в качестве ответчиков и возлагает на всех них обязанность участвовать в расходах». При обсуждении второго Брачно-семейного кодекса предполагалось так усовершенствовать эту юридическую норму: «Взыскивать с таких лиц не как с солидарных ответчиков, а с одного из них — с того, “кто больше получает”» (Максимович 1996: 82–83).

В первое десятилетие советской власти семья как институт существовать не перестала; напротив, сформировалась потребность в более полной правовой регламентации ее жизнедеятельности. Поэтому «в целях урегулирования правовых отношений, вытекающих из брака, семьи и опеки на основе нового революционного быта, для обеспечения интересов матери и особенно детей и уравнивания супругов в имущественном отношении и в отношении воспитания детей» был разработан и с 1 января 1927 года введен в действие новый Семейный кодекс. Этот кодекс законов РСФСР о браке, семье и опеке представляет своего рода компромисс между «неприятием буржуазной модели семьи и одновременно сохранением некоторых ее элементов, например брака или традиционных отношений между полами» (Блюм 2005: 114); в нем присутствуют попытки сочетать революционные преобразования в семейной структуре, личной жизни и сексуальности с нарастающими консервативными взглядами на вопросы половой морали.

В кодексе были сохранены основные положения декрета 1917 года, но добавились положения относительно порядка усыновления. В результате признания юридического значения фактического брака в новом кодексе установление отцовства еще более упростилось. По мнению правоведов, до конца 1930-х годов судебная практика по делам об установлении отцовства представляется крайне либеральной (Тарусина 2001). Государство все больше стремилось поддержать женщину в решении семейных вопросов, все чаще становилось на ее сторону в спорных ситуациях, вырабатывало меры по ее поддержке. Так, на основе судебной практики 11 июня 1929 года Пленумом Верховного суда было утверждено инструктивное письмо по алиментным делам, касающееся в том числе и исков об отцовстве. В нем указывалось, что при установлении отцовства суд должен встать на сторону женщины-матери. Так, отказ в иске истице из-за отсутствия доказательств сожителства с мужчиной-ответчиком недопустим; напротив, ей необходимо всячески содействовать в сборе доказательств, подтверждающих ее правоту. Для признания факта отцовства, особенно в случаях «коллективного отцовства», использовалось два способа: первый — осмотр ребенка на судебном заседании и визуальный поиск внешнего сходства между ребенком и одним из предполагаемых отцов, второй — медицинская экспертиза сходства. Однако из-за недостаточного научного обоснования последняя процедура в 1939 году была отменена. Из-за отсутствия более или менее надежных методов установления биологического отцовства суд руководствовался главным образом заявлением женщины, а также «косвенными» доказательствами наличия отношений, такими как совместное проживание, материальная поддержка ребенка со стороны мужчины и другие факты, подтверждаемые свидетелями.

Судебная практика установления отцовства в этот период базировалась на презумпции правоты матери. В инструктивном письме 1929 года прописывалась максимально лояльная позиция суда в этих вопросах. В тех случаях когда по каким-то причинам у истицы отсутствовали доказательства факта отцовства, суд должен был оказать ей всевозможную помощь в их сборе. Недопустимым считалось не только отклонение заявления из-за отсутствия фактов, подтверждающих правоту претензий женщины, но и использование в ходе су-

дебного разбирательства каких-либо формулировок или суждений, которые были бы способны поставить их под сомнение. В качестве примеров приводились следующие формулировки: «Хотя истица не доказала своего иска, но, учитывая ее заботливость и тупоумие, ответчик должен быть признан отцом ребенка» (Тарусина 2001: 84). Показательным, на наш взгляд, является то, что мотивы, по которым государство в случаях спорного отцовства принимало сторону женщины-матери, были преимущественно экономическими. Практическое воплощение идеи общественного воспитания, которая активно пропагандировалась в первые годы советской власти, было затруднено главным образом из-за нехватки материальных ресурсов; государство было не способно взять на себя все бремя по обеспечению юных граждан. На уровне идеологии главенство государства в воспитании детей не ставилось под сомнение, в каждом конкретном случае государству необходимо было разделить экономическую ответственность с родителями ребенка. Семейная политика Советского государства носила патерналистский характер в отношении женщин и детей, мужчина рассматривался в качестве экономического субъекта, оказывающего им материальную поддержку. Именно поэтому в случае спорного отцовства суд, как правило, поддерживал притязания женщины из соображения, что «должен же кто-нибудь содержать ребенка» (Там же). Итак, отцовство рассматривалось главным образом как экономическая категория, когда функции мужчины по воспитанию ребенка и заботе о нем в ряде случаев сводились только к материальному содержанию.

В этот период при активной поддержке государства формировалась гендерная асимметрия в сфере родительства. Она проявлялась в том, что на формальном уровне декларировалось равенство мужчин и женщин в отношении воспитания детей, а на уровне судебной практики складывался гендерный дисбаланс, при котором позиция женщины в вопросах семьи и брака подкреплялась властными полномочиями государства в лице суда, солидаризировавшегося с ней. Так, с 1930-х годов бремя родительских обязанностей стало разделяться исключительно между женщиной и государством. Отсутствие мужчины в результате миграции, арестов или других причин привело к увеличению количества женщин, воспитывающих детей в одиночку, а государство превратилось в символического и

универсального отца, провозгласившего себя ответственным за счастье и благополучие каждой семьи (Хасбулатова 2005; Kukhterin 2000; Schrand 2002). Советская гендерная политика способствовала отчуждению мужчины от семейных и родительских обязанностей. Ответственность за детей стала практически абсолютной обязанностью женщин; мать стала рассматриваться как более компетентный родитель и получила институционально подкрепленные возможности как для манипулирования, так и для исключения мужчины из области эмоциональных, внутрисемейных отношений. На этом этапе построения нового государства и новых гендерных отношений обществу было важнее определить «экономического» отца, т. е. того, кто разделит с государством бремя материальной ответственности за ребенка. Как отмечает С. Кухтерин, индивидуальное отцовство лишается своей юридической базы — частной собственности и религиозного освящения брака и ограничивается уплатой алиментов (Kukhterin 2000: 74).

Таким образом, исходя из презумпции материнской правоты, государство как главный агент гендерной политики действует преимущественно в интересах материнства и детства, а мужчина-отец как субъект семейных отношений практически исчезает из государственной политики (Хасбулатова 2005: 197). Так, в Конституции 1936 года статус отцовства не предусмотрен, что не позволяет говорить о нормативно закреплённом неравенстве советских граждан в семейных отношениях. «Часть II ст. 122 Конституции СССР провозглашала государственную охрану интересов матери и ребенка, государственную помощь многодетным и одиноким матерям, предоставление женщине отпуска по беременности с сохранением содержания, создание широкой сети родильных домов, детских яслей и садов» (Гендерная экспертиза... 2001: 24). И если роль матери давала женщине законное основание быть освобожденной от обязанности трудиться на производстве, если она могла иметь только статус матери и не нести административную и уголовную ответственность за тунеядство, то отцовство таких «привилегий» не предполагало. Именно в этот период формируются нормативно-правовые основы отчуждения отцовства, происходит вытеснение мужчин из семейной сферы как на дискурсивном уровне, так и на уровне повседневных практик. К основным причинам, повлиявшим на формирование моде-

ли «советского» отцовства, можно отнести вмешательство государства в частную жизнь граждан, контроль за внутрисемейными отношениями, а также особую поддержку женщины-матери. Кроме того, коллективизация и индустриализация страны, миграция мужчин в поисках более высоко оплачиваемой работы и лучших условий жизни в 1930-х годах, массовая мобилизация во время Второй мировой войны, политические репрессии и другие события в истории Советского государства разлучали мужей и отцов с их семьями, делали мужчин не только психологически, но и физически исключенными из жизни родных и близких. Альянс государства и женщины-матери существенно подорвал институт отцовства, вытеснил мужчину на периферию приватной сферы, закрепил его маргинальную позицию в семейных отношениях, оставляя ему практически единственную легитимную возможность для самореализации — сферу служения Родине, выполнения своего долга.

Второй период (1944—конец 1960-х годов)

Фактическим началом нового этапа политики государства в отношении родительства вообще и отцовства в частности можно считать Указ Президиума Верховного совета СССР от 8 июля 1944 года, однако ужесточение гендерной политики началось задолго до этого времени. Самым главным показателем является Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и некоторых изменениях в законодательстве об абортах», принятое в 1936 году. Также произошло существенное усложнение процедуры развода, стало обязательным, чтобы в суде на слушании дела присутствовали обе стороны¹⁶. Пошлина за развод была значительно увеличена: 50 рублей за первый развод, 150 — за второй и 300 рублей за каждый последующий. Размеры алиментов повысились до одной трети от заработной платы отсутствующего родителя (как правило, им был отец) на

¹⁶ В то время как либеральный Семейный кодекс 1926 года допускал заочное расторжение брака в одностороннем порядке.

одного ребенка, 50 % на двух и 60 % на трех и более детей. Увеличилась ответственность за уклонение от уплаты алиментов — до двух лет лишения свободы. Это ужесточение правового режима семейных отношений непосредственно связано и с традиционалистским откатом в гендерной политике государства, провозглашавшего необходимость укрепления семьи и семейных ценностей в контексте задач советской модернизации 1930-х годов» (Здравомыслова 2004: 185). Так, в 1930-е годы формируется тенденция, которая направлена, с одной стороны, на усиление традиционных женских ролей жены и матери, с другой стороны — на уменьшение ответственности мужчин за свои семьи, что в итоге приводит к формированию «матрифокального общества, в котором советский мужчина стремится к обладанию традиционными мужскими привилегиями, собственно и делающими его мужчиной, — свободному сексуальному поведению, употреблению алкоголя и проч.» (Schrand 2002: 203).

Многоженство и безответственность мужей стали одной из центральных проблем гендерных отношений в советском обществе середины 1930-х годов. После принятия постановления 1936 года в обществе развернулась кампания по борьбе с мужчинами, уклоняющимися от уплаты алиментов. Был проведен ряд показательных процессов по таким делам. Посредством СМИ формируется отрицательный образ мужчины — пьющего, бросившего свою семью, избивающего жену, уклоняющегося от уплаты алиментов (Хасбулатова 2005: 197). В различных периодических изданиях печатались письма брошенных жен, которые жаловались на измену мужа, на уклонение от уплаты алиментов и всячески просили вышестоящие и партийные инстанции вмешаться и помочь в разрешении конфликтных ситуаций. Ш. Фицпатрик отмечает, что профсоюзная газета «Труд» на своих страницах очень активно боролась против «блудных мужей» (Фицпатрик 2001а: 176). Женщины же, напротив, изображались как пострадавшая сторона существующего гендерного конфликта, как благородный и страдающий пол, способный на большое терпение и самоотверженность ради семьи и детей. В целом гендерную политику второй половины 1930-х годов можно охарактеризовать как «анти-мужскую», направленную на укрепление альянса государства и женщины в семейной сфере (Там же: 173). На идеологическом уровне подобного рода нововведения были нацелены на

борьбу с «легкомысленным отношением к браку», причем в общественном мнении преобладало представление, что именно отцы, а не матери недостаточно хорошо заботятся о своих детях и что они должны измениться и стать лучше.

Реакционный откат в гендерной политике, наиболее ярко проявившийся в отношении государства к абортam, можно рассматривать как выражение контроля за семьей, увеличение семейных обязанностей женщины и освобождение мужчин от ответственности за свое внебрачное сексуальное поведение, поскольку им теперь не грозило установление отцовства. Окончательный поворот к традиционным семейным ценностям произошел в законодательстве о браке и семье с принятием Указа Президиума Верховного совета СССР от 8 июля 1944 года. Это постановление является важным потому, что оно резко ужесточило два принципиально важных момента семейно-государственных отношений: во-первых, законодательство о внебрачных детях и их матерях и, во-вторых, порядок прекращения семейных отношений в виде развода. Таким образом, одно из важных завоеваний революции — равноправие детей, рожденных в браке и вне его, — было отменено, а биологическое отцовство было юридически отделено от социального.

Согласно этому указу 1944 года, только зарегистрированный брак признается законным и, следовательно, только дети, рожденные в зарегистрированном браке, являются законнорожденными. В случае рождения ребенка у родителей, не состоящих в зарегистрированном браке, было запрещено установление отцовства как в добровольном, так и в судебном порядке. В связи с этим было отменено существовавшее ранее право матери обращаться в суд по поводу взыскания алиментов «на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке» (Указ 1944 года, ст. 20). Отныне всякое установление внебрачного отцовства запрещалось, нормативно исключалась сама возможность такой процедуры, а отец был лишен права добровольно признать родившегося вне брака ребенка. Так, например, мужчина, не состоявший с женщиной в официальной связи, но живущий с ней в гражданском браке и имеющий от нее детей, не мог непосредственно приобрести родительские права и обязанности в отношении общих детей. Для этого он мог прибегать к процедуре усыновления или другим юридическим уловкам для получения формального ста-

туса отцовства, поскольку расторгнуть существующий лишь формально брак было нелегко (Нечаева 1996: 15).

В соответствии с указом 1944 года изменился и порядок регистрации внебрачных детей: «Установить, что при регистрации... рождения ребенка от матери, не состоящей в зарегистрированном браке, ребенок записывается по фамилии матери» (Указ 1944 года, ст. 21). Фактически это означает, что в документах ребенка в графе «отец» делался прочерк — «самый тяжкий и трагический для психики ребенка знак на всю его жизнь» (Курганов, 1967: 92). Правовой статус внебрачного ребенка был значительно ниже, чем у рожденного в браке; так, внебрачный ребенок не имел права на фамилию отца, на его отчество, был лишен права на алименты, пенсию по случаю потери кормильца, не мог вступать в права наследования и т. п. (Максимович 1996: 85). Демографы отмечают, что за десятилетие существования этих репрессивных по своей сути законов в СССР наблюдается пик внебрачной рождаемости: в 1945—1949 годы — 17.9 %, в 1950—1954 годы — 17.5 %, в 1955—1959 годы — 13.1 % (Блюм 2005: 98).

Гендерная политика государства в этот период была направлена на повышение рождаемости, было увеличено пособие матерям-одиночкам на содержание и воспитание детей (Хасбулатова, 2005: 214). Указ 1944 года увеличил число категорий граждан, на которых распространялся налог на бездетность; кроме холостяков, этот налог лег на плечи малосемейных граждан, т. е. имеющих одного или двух детей. Налог на бездетность был введен 21 ноября 1941 года и действовал в СССР до января 1992 года. Он был установлен государством с целью привлечения средств бездетных граждан на общественное воспитание и содержание детей в детских учреждениях, оказание помощи многодетным семьям и одиноким матерям, а также для косвенного влияния на демографическую ситуацию в стране. Указ от 8 июля 1944 года внес ряд изменений в порядок взывания налога. Плательщиками налога являлись граждане СССР: мужчины в возрасте от 20 до 50 лет и женщины, состоявшие в браке, в возрасте от 20 до 45 лет. Налог имел дифференцированную ставку в зависимости от заработка плательщика по основному месту работы.

Этот указ можно рассматривать как дискриминационный по отношению к определенной категории граждан — незамуж-

ним женщинам, поскольку в случае беременности у них не было никакой возможности выбора между абортом или рождением ребенка. Мужчины, с которыми они вступали в сексуальную связь, закончившуюся беременностью, освобождались государством как от моральной, так и материальной ответственности. Только в случае регистрации брака юридически признавался факт отцовства. Ужесточение семейно-брачного законодательства сделало эту группу женщин социально и экономически более уязвимыми в сфере родительства по сравнению с мужчинами и замужними женщинами. Изменив юридические нормы семейного права, государство перестало оказывать моральную поддержку матерям-одиночкам, сведя ее исключительно к материальным выплатам, и поставило этих женщин на самую нижнюю ступень гендерной иерархии. Политика двойных стандартов, когда представители одного пола наделялись «дополнительными» обязанностями или, напротив, освобождались от ответственности при декларируемом равенстве, только поддерживала ситуацию «противостояния полов». Если до 1944 года женщине-матери отдавался приоритет при решении вопроса отцовства, то указ 1944 года освободил мужчину от ответственности за рождение и воспитание внебрачного ребенка, возложив ее на мать и государство. Так на законодательном уровне государство разделило биологическое и социальное отцовство. Биологическое отцовство перестало порождать социальное, т. е., с одной стороны, фактический отец не имел никаких прав на ребенка, с другой стороны, и это особенно важно, он освобождался государством от всяческих (экономических, моральных) обязательств по отношению к незаконно рожденному ребенку¹⁷. Тем самым создавались условия для воспроизводства модели «советского» отцовства, когда по отношению к ребенку, рожденному в законном браке, функции

¹⁷ Показательно в этой связи сравнение этого указа с дореволюционным законодательством по вопросу материального содержания внебрачных детей. В отличие от советского законодательства нормативная мужественность времен Российской империи базировалась на ответственности мужчины за своих близких, за своих законно- и незаконнорожденных детей. Мы видим, что гендерная политика Советского государства была направлена на разрушение дихотомии мужского доминирования и женского подчинения и на создание триады

отца главным образом сводятся к материальному обеспечению (при разводе — к выплате алиментов); при рождении внебрачного ребенка проблема отцовства вообще не рассматривается, в обоих случаях воспитание и содержание детей ложится в основном на плечи государства и женщины.

В новых условиях женщина, родившая ребенка вне брака, могла либо сдать этого ребенка в детский дом, либо взять весь груз ответственности за его воспитание на себя. Несмотря на декларируемое увеличение поддержки матерям-одиночкам, в действительности материальная помощь государства была минимальна. Государство выплачивало матери-одиночке пособие, равное 50 рублям; после денежной реформы сумма составила 5 рублей на одного ребенка, 7,5 — на двоих и 10 рублей на троих детей (Поповский, 1985: 98). Очевидно, что данных выплат от государства-отца вряд ли хватало на безбедное существование матери и ребенка. Чтобы поддержать минимальный уровень жизни, женщине приходилось работать в нескольких местах. Таким образом, государство демонстрировало «ответственное отцовство» исключительно на бумаге и не стремилось реально исполнять свои отеческие функции в отношении женщин и детей. И если материальная поддержка в воспитании ребенка, оказываемая государством, была минимальной, то моральное давление, которое мать-одиночка испытывала на себе, напротив, было максимальным. В целом общество было не совсем терпимо к женщинам, родившим вне брака, и детям, имеющим прочерк в графе «отец» в свидетельстве о рождении. М. Поповский, исследователь истории сексуальных отношений в СССР, описывая 1940-е годы, в качестве яркого примера остракизма в отношении этих женщин приводит следующую частушку военных лет (Поповский 1985: 96):

На позицию — девушка,
А с позиции — мать;
На позиции — честная,
А с позиции — б...

До середины 1950-х годов реакционные изменения в государственной семейной политике, а именно указ 1944 года, не

отношений «государство — мужчина — женщина», в которых государство играло главную роль.

рассматривались как дискриминационные по отношению к женщинам; наоборот, они расценивались как вынужденная мера в чрезвычайной ситуации военного времени, а также как способ укрепления советской семьи. Весомым аргументом в поддержку ужесточения семейного права служила неблагоприятная демографическая ситуация, которая явилась результатом огромных потерь мужского населения СССР, приведших к «значительному дефициту мужского населения» (Блюм 2005: 88). Государство таким образом как бы давало карт-бланш советским мужчинам, поощряя их к внебрачным сексуальным отношениям без всяких обязательств и ответственности за женщину и ребенка, для того чтобы повысить уровень рождаемости. Преодоление демографического кризиса было важной задачей гендерной политики государства на данном этапе. Уже с конца 1920-х годов стала складываться консервативная система мер по укреплению семьи. Как отмечает А. Вишневский, в середине 1930-х годов Л. Троцкий писал о «семейном Термидоре» в СССР, «о торжественной реабилитации семьи», о том, что «брачно-семейное законодательство Октябрьской революции, некогда предмет ее законной гордости, переделывается и калечится путем широких заимствований из законодательной сокровищницы буржуазных стран» (Вишневский 1998: 136). Сюда также относятся закон 1936 года о запрете аборт и установление в 1941 году специального налога на бездетность, который распространялся на всех бездетных и малодетных граждан за исключением одиноких женщин, учащихся, пенсионеров и инвалидов.

И только после XX съезда партии стала возможна публичная критика указа 1944 года. В 1956 году в «Литературной газете» печатается открытое письмо видных культурных и научных деятелей, подписанное С. Маршаком, Д. Шостаковичем, И. Эренбургом, проф. Сперанским и др. Это обращение представителей советской интеллигенции под заголовком «Это отвергнуто жизнью» было посвящено антигуманности и дискриминации женщин и детей, рожденных вне брака: «В результате возникли тысячи трагедий, ломающих жизнь женщин, которых именуют “матерями-одиночками”, и детей их, на которых обыватели смотрят как на незаконнорожденных» (цит. по: Курганов 1967: 93). Несколько раньше начинается критика указа 1944 года с точки зрения юриспруденции, артикулировалось

мнение о том, что это постановление нарушает принцип равноправия мужчин и женщин. Освобождая отца от всяких обязанностей по отношению к детям, закон приписывает матери всю полноту родительских обязанностей (Пергамент 1951).

Итак, действия, предпринятые государством, были непосредственно направлены на закрепление сложившейся асимметрии в сфере родительства, когда роль отца в семье и воспитании детей была минимальной. Второй по значимости после государства фигурой в семейных отношениях была и оставалась мать, «функция которой многократно усложнилась» (Айвазова 1998: 71). Гендерную политику государства на этом этапе можно назвать дискриминационной в отношении как мужчин, так и женщин. Мужской вариант состоял в дальнейшем отчуждении мужчин от семейных обязанностей, роли отца, а в случае внебрачных связей — практически от всякой ответственности за женщину и ребенка. Гендерная дискриминация касалась всех категорий женщин. На незамужних женщин ложился весь груз вины и ответственности за внебрачные сексуальные отношения, поскольку запрет аборт не оставлял им практически никакого выбора кроме рождения ребенка. Женщинам, состоящим в законном браке, также вменялась практически абсолютная ответственность за все стороны семейной жизни: за рождение и воспитание детей, за чистоту и порядок в доме, за моральное и материальное благополучие всех членов семьи. Они были вынуждены терпеть измены мужей, оскорбления и побои, разыскивать отцов, уклоняющихся от уплаты алиментов. Несмотря на большое количество жалоб со стороны обманутых жен, по обвинениям во внебрачных связях власти практически никогда не предпринимали никаких действий (Фицпатрик 2001а: 177), молчаливо поддерживая мужчин в их активном сексуальном поведении. Дети, рожденные вне брака, были формально поражены в правах и морально стигматизированы обществом.

Третий период (1968—середина 1980-х годов)

Либерализация гендерной политики Советского государства начинается с середины 1950-х годов. В этот период произошли изменения в первую очередь нормативно-правовой базы, регулирующей семейные отношения: в 1955 году вновь был легали-

зован аборт, в 1965 году значительно облегчена процедура развода, в 1967 году отрегулировано положение с алиментными обязательствами. И только в 1968 году с принятием Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, нормы которых были воспроизведены затем в республиканских кодексах, были изменены права и обязанности родителей и детей. Новый закон предоставлял ограниченную возможность установления отцовства в судебном порядке, регламентировал права родителя на общение с ребенком при раздельном с ним проживании (Нечаева 1996: 18). Судебное установление отцовства стало возможно при ряде условий: при совместном проживании, совместном воспитании, либо содержании, ребенка или при наличии доказательств, подтверждающих отцовство конкретного мужчины. Также новыми нормативными актами предусматривалась возможность добровольного признания отцовства (без вступления в брак с матерью ребенка), чего раньше не было. Кроме того, в случае отказа со стороны мужчины признать свое отцовство была предусмотрена форма заполнения свидетельства о рождении, в которой больше не фиксировалось отсутствие отца, т. е. прочерк больше не ставился.

Значимым в новом кодексе было то, что права и обязанности родителей выделялись в отдельную главу (гл. 8 КоБС РСФСР). При этом специально подчеркивалось, что родители обладают равными правами и обязанностями по отношению к ребенку даже в том случае, когда брак между ними расторгнут. Как отмечают исследователи семейного права, подобного рода уточнение было сделано не случайно, ибо на практике «все чаще приходилось встречаться с нарушениями прав родителя, который после расторжения брака жил отдельно от своих детей» (Нечаева 2002: 80). Поскольку при решении споров между родителями о месте проживания ребенка после развода имела значение «фактическая (прецедентная) презумпция преимущественного права матери на оставление у нее малолетнего ребенка» (Тарусина 2001: 114), то родителем, пораженным в правах, как правило, являлся отец.

В период оттепели происходит реабилитация частной сферы жизни советских граждан, государство по-новому смотрит на гендерные проблемы общества, возникает потребность поиска новых путей для решения женского вопроса. Контракт «работающая мать» по-прежнему остается базовым для совет-

ского гендерного порядка, однако в этот период акцент смещается с «работницы» на «мать». Государство разрабатывает новую социальную политику, поддерживающую материнство и детство и направленную на исполнение женщиной ее материнской функции. Например, в этот период был увеличен декретный отпуск, возросли денежные пособия, выплачиваемые после рождения ребенка, получила широкое распространение практика работы женщин на полставки. Однако либерализация, происходящая в обществе, практически не изменила идеологию родительства, которую формировало и поддерживало государство. Биологически детерминированная позиция государства в определении гендерных моделей вообще и родительства в частности не предполагала разрешения сложившейся гендерной асимметрии, когда все заботы, связанные с воспитанием, касаются исключительно женщин-матерей; имелось в виду только улучшение условий для того, чтобы женщина исполняла предписанную ей роль жены и матери. Роль отца по-прежнему не проблематизировалась, оставалась на периферии семейных отношений. О. Хасбулатова приводит следующее высказывание секретаря ВЦСПС Н. В. Поповой: «Хотя отец и несет по закону ответственность за воспитание детей, мать никто заменить не может, особенно в воспитании детей-дошкольников, поэтому нет нужды предъявлять к отцу излишние требования» (Хасбулатова 2005: 228). Биологически детерминированная позиция государства, как можно увидеть из этой цитаты, остается практически неизменной.

В общественных дебатах конца 1950–1960-х годов впервые поднимаются вопросы о гендерном неравенстве в быту, «двойной нагрузке» женщин в семейной сфере по сравнению с мужчинами. С середины 1960-х годов социологи и педагоги начинают привлекать внимание общественности к проблеме «скрытой безотцовщины». Один из ведущих советских исследователей семьи А. Харчев отмечал, что «скрытая безотцовщина выражается в том, что в ряде случаев отцы, живя в семье, не принимают или почти не принимают участия в воспитании своих детей» (Харчев 1979: 317). Иными словами, «скрытая безотцовщина» — это один из вариантов модели «советского» отцовства, которая предполагает фрагментарное и ситуативное, в большей степени материальное, участие мужчины в воспитании детей, в то время как государство берет на себя основ-

ную часть материальной и моральной ответственности за образование и воспитание юных граждан.

Примерами, прямо или косвенно подтверждающими существование гендерной асимметрии в сфере родительства, являются результаты социологических исследований этого периода, посвященных главным образом количественному анализу семейных отношений. Гендерная асимметрия, характерная для советского родительства, — это социальный факт, который проявляется в количестве и качестве внутрисемейного общения, в воспитании детей. Результаты исследований бюджетов свободного времени мужчин и женщин — жителей различных городов европейской части СССР — фиксируют существенное различие в их затратах времени на воспитание и уход за детьми¹⁸. Неравномерность повседневных занятий у отцов и матерей считается «одной из наиболее серьезных, притом едва ли не самой болезненной диспропорцией в быту» (Гордон, Клопов 1972: 239). Необходимо отметить, что со временем эта дифференциация затрат времени на воспитание детей только увеличивалась. Например, по данным исследования бюджета времени населения г. Рубцовска в 1980 году, время, потраченное мужчинами на воспитание детей, составило 47 % к затратам женщин (затраты женщин приняты за 100 %) (Тартаковская 1997: 96). Анализ результатов изучения семей рабочих, проведенного в 1987 году, показал существенную разницу — «семейные рабочие тратят на занятия с детьми в 2 раза меньше времени, чем их жены» (Черняк, Захаркин 1987: 62). Таким образом, можно говорить об устойчивой тенденции неравного распределения родительских обязанностей между мужчинами и женщинами, характерной для позднесоветского общества, когда временные затраты отцов, связанные с воспитанием и уходом за детьми, были значительно меньше, чем затраты матерей.

Еще одним показателем гендерной асимметрии в сфере родительства является выбор ребенком родителя для доверитель-

¹⁸ Так, по данным исследования, посвященного использованию бюджета времени жителей г. Пскова в 1965 году, затраты замужних женщин на воспитание детей и уход за ними были соответственно в 1.5 и 3 раза больше, чем затраты женатых мужчин (Караханова 2001: 83).

ного общения. Исследование семей рабочих, проведенное в 1987 году, выявило следующие различия при выборе «родителя-доверителя» в зависимости от возраста ребенка. Так, в возрасте 3—7 лет делятся всеми своими переживаниями с отцом 6.7 % детей, а с матерью — 28 %; в 7—10 лет — соответственно 2.5 и 47.5 %; в 10—14 лет — 5 и 49 %; в 14—17 лет — 4.2 и 44.3 % (Там же). Эти данные позволяют говорить о том, что в большинстве случаев отношения детей с матерью более близкие, чем отношения с отцом, поскольку именно мать на протяжении детства и отрочества является для ребенка одним из «главных доверителей», т. е. тем, с кем он хочет обсуждать волнующие его проблемы, кто осуществляет по отношению к нему эмоциональную работу. С матерью дети чаще и интенсивнее общаются по поводу своих школьных дел, взаимоотношений с друзьями и сверстниками, обсуждают свою внешность, одежду, особенности характера, в то время как с отцами они чаще говорят о политических и спортивных событиях. Данные различия говорят о том, что мать в глазах детей обладает бóльшим авторитетом по сравнению с отцом. В качестве подтверждения этого тезиса можно сослаться на результаты ответов на вопрос, к кому из родителей ребенок обращается за советом при решении важных для него проблем. И. Дементьева, описывая исследование педагогической грамотности родителей, приводит следующие результаты: «72 % подростков выбирают при этом мать, 31 % — отца» (Дементьева 1990: 61).

На основе вторичного анализа данных социологических исследований можно выделить гендерно-маркированные практики родительства, т. е. виды специальных занятий с детьми, которые осуществляются преимущественно отцом или матерью. Для матерей характерно выполнение практически всех видов деятельности — от ухода за ребенком до игр, совместных прогулок, бесед и контроля за приготовлением уроков (Гордон, Клопов 1972: 234). И лишь незначительное число отцов участвуют в прогулках, играх с детьми, проверяют домашние задания, посещают школу (Бойко 1985: 120). Рассмотренные результаты исследований позволяют реконструировать модель советского родительства, а именно модель «тотального материнства» и «скрытой безотцовщины», когда мать является более компетентным и ответственным родителем по сравнению с отцом, поскольку она обладает в глазах ребенка более высо-

ким авторитетом, считается его «главным доверителем», а также практически в одиночку воспитывает и заботится о ребенке вне зависимости от наличия или отсутствия отца. Номинальная отмена безотцовщины в семейном законодательстве, как ни печально, не привела к принципиальным изменениям в практиках родительства.

Либерализация семейного законодательства в отношении отцовства, отмена дискриминации детей, рожденных вне брака, возвращение возможности установления отцовства, к сожалению, не повлекли за собой отказа от гендерного неравенства в сфере родительства. На данном этапе гендерной политики государства стала значимой проблема «скрытой безотцовщины», когда мужчина практически не принимал участия в воспитании детей, делая их «квазисиротами». В качестве одной из причин существования феномена «скрытой безотцовщины» исследователи называют более «важную загруженность на работе» мужчин по сравнению с женщинами-матерями. Зафиксированная гендерная диспропорция в структуре затрат времени на выполнение домашней работы, уходу и воспитанию детей приводит, по мнению ученых, к «пассивности быта отцов», которая «неизбежно порождает достаточно острую (хотя и не всегда осознаваемую) психологическую напряженность» у мужчин (Гордон, Клопов 1972: 243). Отмеченная исследователями напряженность — это способ переживания мужчинами их депривации в эмоциональной и семейной сфере. Специфика мужской депривации заключается в том, что она является опосредованной, с трудом поддающейся вербализации со стороны как мужчин, так и женщин. Дисбаланс между активностью женщин и пассивностью мужчин в сфере семейных отношений воспроизводится на разных уровнях: государственном, дискурсивном и уровне межличностного общения, тем самым создавая условия и способствуя отчуждению мужчин от своих семейных и родительских обязанностей. К негативным последствиям мужской депривации в семейной сфере можно отнести увеличение числа разводов и алкогольной зависимости мужчин. Показательно, что именно эти негативные социальные явления рассматривались советскими социологами как следствия сложившейся «пассивности быта отцов» (Там же: 243–244).

Советские ученые-обществоведы предлагали целый ряд мероприятий по интеграции отцов в семейный коллектив, акти-

визации его воспитательных действий. Так, по их мнению, было бы целесообразно использовать существующую на отдельных промышленных предприятиях практику оценки личности работника по критерию уровня воспитанности его детей. Ожидалось, что это будет способствовать созданию климата общественного одобрения в адрес «отца-воспитателя, наделенного чувством ответственности за детей», позволит поднять престиж родительства в целом и отцовства в частности (Дементьева 1990: 63).

Нужно отметить, что если на первых двух этапах государство проводило целенаправленную политику по отчуждению мужчин от семейных и родительских обязанностей, то в позднесоветский период произошла существенная либерализация норм семейного права, декларация гендерного равенства в сфере родительства. Однако политика Советского государства в отношении семьи, проводимая на протяжении нескольких десятилетий, не могла не иметь негативных последствий. Одним из них можно считать сложившуюся и институционально закрепленную гендерную асимметрию в сфере родительства, когда практически вся ответственность за воспитание детей, а также выполнение родительских обязанностей, с одной стороны, ложились на плечи женщин, а с другой стороны, монополизировались ими. В результате сформировалась модель особого типа родительства — «советское» отцовство, что предполагает главным образом выполнение мужчиной экономических обязательств перед женой и детьми: предоставление в их распоряжение его заработков, а также выплату алиментов и раздел имущества в случае развода. Появление этой модели стало возможным только в контексте образования семейных отношений, которые базировались на альянсе женщины и государства и из которых мужчина был исключен. Эта модель семейных отношений вообще и родительства в частности сформировалась как результат гендерной политики Советского государства, где декларация гендерного равенства в публичной сфере сочеталась с воспроизводством традиционного разделения ролей по признаку пола в приватной сфере.

Гегемоническая позиция государства в гендерных отношениях привела к формированию специфического типа советской мужественности, отчужденной от сферы семейных отношений. Мобилизуя отцов на службу Отечеству, государство минимизи-

ровало роль мужчины в семье, возложив обязанность воспитания детей исключительно на женщин. Четко регламентировав материальную составляющую отцовства, например установление размера и формы алиментов на несовершеннолетнего ребенка, а также судебной ответственности за уклонение или несвоевременную уплату алиментов и т. д., Советское государство не выработало политики гендерного равенства в сфере родительства. Поскольку в советской семейной политике государство акцентировало защиту исключительно материнства и детства, а также брало на себя основную часть материальной и моральной ответственности за образование и воспитание юных граждан, то модель «советского» отцовства представляла фрагментарное и ситуативное участие мужчины в воспитании детей. Нормативные суждения власти определяют родительство преимущественно как материнско-государственную функцию. Отцовство репрезентируется главным образом как экономический долг. Так, гендерная политика государства в сфере родительства приводит к возникновению традиции отчуждения отцовства, которая поддерживается государственной политикой. «Советский» отец был выведен за пределы ответственности за семью, стал маргинальной фигурой в приватной сфере. С одной стороны, отсутствие структурных возможностей для более активного участия отца в уходе за ребенком (например, проведение альтернативных родов с присутствием отца в медицинских учреждениях СССР; правовые возможности использования отпуска по уходу за ребенком и т. п.) делают «советское» отцовство близким традиционной модели родительства; с другой стороны, невозможность выполнения роли «единственного кормильца» семьи превращают «советскую» модель в особый тип родительства.